

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ ДЖИННА

А.А. СУВОРОВА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Пакистан, индийские мусульмане, парсы, межобщинные браки

Политическая биография Мухаммада Али Джинны, основателя Пакистана, описана самым исчерпывающим образом¹, однако о его личной жизни пишут немного. И здесь дело не только в характере Джинны, которому, по отзывам современников, были свойственны замкнутость, часто воспринимаемая как надменность, и сдержанность, граничащая с холодностью.

Его частная жизнь не просто тщательно охранялась, но и не давала поводов для пересудов. Несмотря на исключительную мужскую привлекательность, общепризнанную элегантность и обаяние сильной личности, Джинна не поощрял интереса к себе со стороны женщин и, в отличие от Джавахарлала Неру, не заводил романов с замужними дамами.

Мухаммад Али Джинна (1876-1948) - мусульманский политик, который почитается в Пакистане в качестве отца-основателя национальной государственности. Один из инициаторов и самых активных участников раздела Британской Индии в 1947 г. и создания Пакистана. По образованию юрист, вел успешную адвокатскую практику в Бомбее. Лидер партии Мусульманская Лига, представлявшей интересы индийских мусульман. После раздела Британской Индии стал первым генерал-губернатором Пакистана. В Пакистане, где сложился настоящий культ Джинны, его называют «Великим Лидером».

Широко бытует мнение о том, что Джинна полностью подчинял чувства разуму. Действительно, в

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант «Женщина-лидер в традиционном мусульманском обществе: феномен Беназир Бхутто» №10-03-00014а.

Ратти Петит

своём поведении он чаще руководствовался доводами рассудка, идейными и политическими убеждениями и профессиональными навыками практикующего адвоката. На фотографиях и парадных портретах Джинна часто выглядит строгим и не улыбающимся. Однако в образ человека холодного и рационального плохо вписывается тайная мечта его молодости - сыграть Ромео на сцене лондонского театра «Олд-Вик», мечта, побудившая его в годы жизни в Англии заключить контракт с некой театральной компанией².

И, конечно, с образом сурового Великого Лидера (так еще при жизни называли Джинну индийские мусульмане, а позднее - пакистанцы) мало вяжется драматическая история его страстной любви к юной красавице Раттанбаи Петит (1900-1929), чаще называемой Ратти, которая стала его женой и матерью его единственного ребенка.

Строго говоря, Ратти была второй женой Джинны. Первый раз его женили в ранней юности - ему было 16, а невесте 14 - на девушке, которую он впервые увидел в день свадьбы. Сразу после заключения брака Джинна уехал в Англию учиться, а его молодая жена умерла задолго до его возвращения в Индию. Ясно, что ни о каких чувствах между супругами не было и речи.

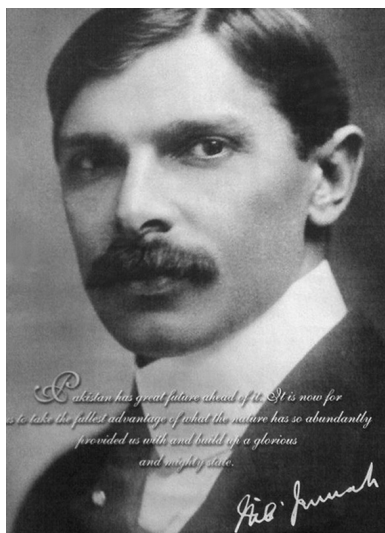
Ратти была дочерью друга и клиента Джинны

как адвоката - сэра Диншоу Петита (1873-1933), богатого текстильного магната, которому британцы пожаловали титул баронета. Сэр Диншоу входил в число нескольких наиболее авторитетных лиц, которым доверялись самые важные религиозные и экономические дела общины парсов. Петиты принадлежали к религиозной общине бомбейских *парсов*, в средние века переселившихся в Индию из Ирана³.

Ратти, старший ребенок и единственная дочь сэра Диншоу, росла, как сказочная принцесса, в атмосфере роскоши и всеобщего обожания. От природы одаренная замечательной красотой и живым умом, она получила прекрасное образование, свободно говорила на нескольких языках и имела широкий круг интересов - от поэзии английских романтиков до актуальной индийской политики. Она регулярно посещала все крупные политические собрания в Бомбее и была убежденной индийской националисткой, сторонницей *свараджа*⁴. И внешне, и внутренне Ратти Петит разительно отличалась от индийских девушек своего времени. Сохранившиеся фотографии запечатлели ее яркую экзотическую красоту, вызывающую в памяти лица звезд немого кино. Одевалась Ратти экстравагантно: носила развевающиеся шелковые туники, головные повязки, расшитые драгоценными камнями, и вплетала цветочные гирлянды в распущенные волосы. Отчасти поэтому в местном светском обществе ее называли «Цветок Бомбея»⁵.

Ратти и Джинна познакомились в 1916 г. в летней резиденции Петитов на фешенебельном горном курорте Дарджилинг, где Джинна гостил, спасаясь от бомбейской жары. Ей было 16, ему - 40, но столь значительная разница в возрасте их ничуть не смущала. Джинна не только влюбился в Ратти с первого взгляда, но и сразу решился просить ее руки. Он понимал, что основным препятствием на его пути к семейному счастью станут не имущественные, а религиозные различия - Ратти принадлежала к общине *парсов*, он был мусульманином. Поэтому разговор со своим будущим тестем он начал издалека и обратился к сэру Диншоу с абстрактным, на первый взгляд, вопросом о том, что тот думает по поводу межобщинных браков. Застигнутый врасплох, Петит ответил, что «это содействовало бы национальной интеграции и могло бы в конечном итоге привести к полному устранению межобщинного противостояния»⁶.

Ответ успокоил Джинну, и он тут же попросил руки Ратти. Сэр Диншоу сначала оторопел, затем

Мухаммад Али Джинна

возмутился и, несмотря на дружбу с Джинной, отказал ему решительно и бесповоротно. Джинна долго уговаривал Петита со свойственным только ему красноречием, но так ничего и не добился. Отец так и не дал согласия на брак, навсегда разорвал все деловые и дружеские отношения с Джинной и запретил дочери встречаться со своим избранником. Здесь-то Джинна, наверное, смог примерить на себя роль Ромео. Как и в трагедии Шекспира, строгие запреты только разожгли страсть влюбленных, они терпеливо и упрямо дожидались совершеннолетия Ратти и, вопреки всем препятствиям, поженились вскоре после того, как ей исполнилось 18 лет. Ратти ушла из родительского дома, и семья отказалась от нее. Но Джинне, блестящему адвокату, удалось опротестовать попытки Петита лишить дочь доли семейного имущества, причитающейся ей по семейным законам парсов⁷.

Долгожданная свадьба состоялась 19 августа 1918 г. в бомбейском доме Джинны. Ратти приняла ислам и получила мусульманское имя Мариам, которым она никогда не пользовалась. Впрочем, она вообще не придерживалась никаких религиозных догм и не соблюдала обрядов, оставаясь всю жизнь поклонницей мистицизма, теософии и спиритизма.

На свадьбе присутствовало только несколько друзей Джинны, в частности, раджа Махмудабада, подаривший жениху дорогое кольцо, которое тот, в свою очередь, преподнес невесте как обручальное. Никого из членов семьи Петит на свадьбе не было, а сэр Диншоу оплакивал дочь, как будто она умерла.

Первую неделю медового месяца новобрачные провели в доме раджи Махмудабада на горном курорте Найниталь, а затем переехали в Дели, где остановились в роскошном отеле «Мейденс». Здесь молодожены привлекали всеобщее внимание: Ратти, задрапированная в шелка и сплошь увитая цветами, курила английские сигареты, вставляя их в длинный серебряный мундштук, - редкое зрелище для Индии того времени. Джинна, носивший монокль в глазу и костюмы, сшитые на заказ дорогими лондонскими портными с улицы Сэвил-роу, выглядел под стать молодой жене, настоящим денди. Ратти называла мужа на западный манер «Джей» по первой английской букве его фамилии (*J* от *Jinnah*). Молодоженов окружала аура любви, богатства и элегантности, и, казалось, что дальнейшая жизнь сулит им только счастье.

Однако экстравагантность Ратти, проявлявшаяся в манере одеваться и вести себя в обществе, нра-

вилась далеко не всем, что, учитывая гордый нрав ее супруга, было чревато конфликтами. Так, по возвращении домой после медового месяца Джинна с женой были приглашены на обед к губернатору Бомбея, лорду Уилингдону. Ратти явилась на прием в полупрозрачном туалете с глубоким декольте. Супруга губернатора несколько бестактно приказала слуге принести шаль, якобы чтобы укутать госпожу Джинна, если той станет холодно. Джинна, всегда чувствительный к малейшему ущемлению своего достоинства, вскочил из-за стола и резко бросил хозяйке: «Когда госпоже Джинна станет холодно, она сама скажет об этом, и сама попросит шаль»⁸. После чего супруги демонстративно покинули зал и до самого отъезда Уилингдонов из Бомбея больше не переступали порог резиденции губернатора.

В 1919 г. супруги Джинна отправились в Лондон, где в ночь с 14 на 15 августа родился их первый и единственный ребенок - дочь Дина. Отец Ратти не смягчился и после рождения внучки, отказываясь признавать их брак. Жизнь в Лондоне, который Джинна любил со времен своей юности, текла весело и безмятежно; супруги часто бывали в театре и принимали у себя гостей. По воспоминаниям советника Чаман Лала, во время таких приемов Джинна рассказывал гостям забавные истории и смеялся⁹. В более поздний период мемуаристам редко удавалось видеть его не только смеющимся, но и просто улыбающимся. Но, несмотря на всю притягательность Лондона, все, что составляло смысл жизни Джинны - политическая деятельность и процветающая адвокатская практика, - оставалось в Индии. По возвращении в Бомбей он с головой ушел в работу, уделяя жене и дочери все меньше и меньше времени, что неизбежно вело к ухудшению отношений в семье.

Судья Чагла, в ту пору один из юридических помощников Джинны, вспоминал: «Джинна обычно просиживал над делами весь день. Его супруга входила в кабинет, когда мы проводили какое-нибудь совещание, одетая легкомысленно даже по нынешним меркам, усаживалась за стол и, болтая ногами, ждала, когда Джинна освободится, чтобы уйти вместе с ней. Джинна ни разу ее не одернул и продолжал работать, словно ее не было в кабинете»¹⁰.

Выйдя замуж против воли отца, Ратти лишилась всего того, что составляет среду обитания замужней индийской женщины ее класса, а именно - тесного общения и поддержки со стороны большого семейного клана: родителей, родных и двоюродных братьев и сестер, теток и дядьев, племянников и племянниц. Потеряв в одночасье всю родню, она страдала от одиночества и остро нуждалась во внимании и обществе мужа. Будучи с детства избалованной обожанием отца, Ратти была излишне требовательной, и Джинна, при всей любви к жене, не мог соответствовать ее повышенным ожиданиям. Кро-

ме того, все качества, которые пленили Джинну в юной красавице-невесте: ее детская непосредственность, чувствительность, импульсивность, - не очень подходили для жены крупного политического деятеля.

Иногда из лучших побуждений Ратти совершала легкомысленные поступки, которые раздражали мужа. Так, например, во время избирательной кампании она могла приехать на людное собрание с корзиной для завтраков, где находились сэндвичи с ветчиной, запретной для мусульман, как и все блюда из свинины. Джинна приходил в ужас: «Что ты делаешь? Разве ты не знаешь, что я баллотируюсь на отдельное место для мусульман? Если мои избиратели узнают, что я ем ветчину, у меня не останется ни малейшего шанса на избрание»¹¹. Джинна соблюдал религиозные запреты по мере возникновения политической необходимости, в частности, он до конца дней не отказывал себе в стакане виски, нарушая запрет ислама на употребление алкоголя.

Ратти, вынужденная довольствоваться краткими встречами с мужем, постепенно погружалась в затяжную депрессию и обманчивый мир мистики, фантазий и причуд. Например, она завела в доме множество кошек, которых холила и лелеяла, словно родных детей, и могла отменить важную встречу, если одна из ее любимиц заболела. Ратти верила в магию и амулеты, носила «заговоренные» кольца и браслеты, над чем Джинна постоянно подшучивал.

Отчуждение между супругами постепенно росло, о чем свидетельствовали письма Ратти к ее лучшему другу, парсу Канджи Дваркадасу. В одном письме из Лондона Ратти писала: «И еще одно - навести Джинну и сообщи, как он себя чувствует, у него привычка регулярно перерабатывать, а сейчас, когда меня нет рядом и некому ему докучать, мешать и поддразнивать, он будет вести себя еще хуже, чем обычно»¹². Иначе говоря, пусть и в шуточной форме, Ратти допускала, что докучает и мешает мужу.

Канджи Дваркадас сыграл двойственную роль в судьбе Ратти. С одной стороны, он был ее единственным другом, скрашивал ее одиночество и уделял ей больше внимания, чем вечно занятый делами и политикой Джинна. С другой стороны, он способствовал ее увлечению оккультизмом и даже ввел ее в круг бомбейских спиритов. В 1925 г. он пытался убедить Ратти отправить дочь в школу при штаб-квартире Теософского общества, чему Джинна категорически воспротивился. Позднее Канджи познакомил Ратти с президентом Теософского общества и видной политической деятельницей Анни Безант (1847-1933), которая сразу поняла, что перед ней глубоко несчастная женщина, о чем и сказала Канджи: «Разве вы не видите, что у нее страдальческие глаза? Посмотрите же на нее!»¹³

Погружаясь в зыбкий мир оккультных исканий,

Джинна с дочерью Диной.

Ратти стремилась преодолеть депрессию и бессоницу, от которой не спасали даже наркотические средства, которые, судя по ее переписке с Канджи, она одно время принимала. «Меня снедает острое беспокойство, и я хочу, чтобы некто, наделенный оккультными силами, пришел мне на помощь», - писала она другу¹⁴. Ратти всеми силами пыталась увлечь мистикой и оккультизмом мужа, подсовывая ему книги по спиритизму и теософии. Снисходительно относясь к слабостям жены, Джинна делал вид, что читает эту литературу, но можно только догадываться, как он, человек в высшей степени рациональный и трезвомыслящий, в действительности относился к таким увлечениям.

С годами супруги все более ощущали разницу в возрасте. Ратти продолжала оставаться цветущей молодой женщиной, в то время как Джинне, сильно поседевшему и исхудавшему, уже исполнилось 50. Его растущий консерватизм и крепнущее исламское самосознание создавали идейную пропасть между ними. И все же Ратти, как и в первые годы их брака, полностью разделяла политические взгляды мужа и поддерживала все его публичные действия и заявления. Известно, что Джинна отклонил предложение вице-короля Индии внести его имя в список тех, кого рекомендовалось возвести в рыцарское достоинство. На вопрос, как ей понравится обращение «леди Джинна», если ее муж все-таки удостоится такой

честь, Ратти ответила: «Если мой муж примет рыцарство, я с ним разойдусь»¹⁵.

Джинна, надеясь вдохнуть новую жизнь в свой брак, в 1926 г. взял жену с собой в долгую зарубежную поездку, маршрут которой включал Лондон, Париж, Канаду и США. К сожалению, это путешествие не превратилось во второй медовый месяц и, напротив, стало последней совместной поездкой супругов. По возвращении в Индию здоровье Ратти начало стремительно ухудшаться, она редко выходила из дому, т.к. у нее опухали ноги. Целые дни она проводила в обществе своих многочисленных домашних питомцев. Дочь Дина большую часть времени находилась в школе, а с любимой сестрой мужа, Фатимой, у Ратти не сложились отношения.

Через год супруги тихо расстались. О том, что стало последней каплей, переполнившей чашу их терпения, или непосредственным поводом к разрыву, мемуаристы умалчивают. Известную роль сыграло то, что Джинна стал редко бывать в Бомбее, проводя много времени в Дели, куда в 1927 г. переехала штаб-квартира Мусульманской Лиги. Ратти переехала в отель «Тадж-Махал», но продолжала общаться с Джинной и следить за его деятельностью. После расставания с мужем ее отношения с родителями частично восстановились, и в 1928 г. она вдвоем с матерью совершила путешествие во Францию. Однако, вернувшись в Бомбей, она окончательно слегла и больше не покидала гостиничные апартаменты. Джинна навещал ее каждый день, и они втроем - муж, жена и верный друг Канджи Дваркадас - проводили вечера вместе, как в старые добрые времена. Именно другу, а не мужу Ратти завещала: «Позаботься о моих кошках, никому их не отдавай»¹⁶.

20 февраля 1929 г. Ратти Джинна скончалась - в этот день ей исполнилось 29 лет. Причиной ее смерти был туберкулез, через двадцать лет сведший в могилу и ее мужа. Джинна узнал об этом в Дели, куда ему позвонил из Бомбея сэр Диншоу Петит. Это был первый разговор между тестем и зятем после неудавшегося сватовства в 1916 г. Похороны состоялись 22 февраля на мусульманском кладбище Бомбея. Отец Ратти на похороны не явился: он был против погребения дочери по мусульманскому обряду. «Джинна просидел всю долгую церемонию неподвижно, словно каменный. Но когда ему пришлось, как ближайшему родственнику, первым бросить землю на могилу, он вдруг будто надломился, всхлипнул и, как дитя, проплакал несколько минут»¹⁷, - вспоминал судья Чагла, бывший на похоронах. И далее он замечает: «То был единственный случай, когда я видел, как Джинна выказал нечто похожее на слабость»¹⁸.

Второй раз в жизни Джинна прослезился в августе 1947 г., когда пришел проститься с могилой Рат-

ти, покидая Бомбей и Индию навсегда¹⁹. Он улетал в Карачи, столицу только что образованного Пакистана, нового независимого государства, которое он создал и первым главой которого стал.

Всего за несколько месяцев до смерти Ратти написала мужу из Марселя, и это письмо, с учетом дальнейших событий, стало прощальным. В этом коротком послании отразилась старая, как мир, история любви мужчины и женщины, которые, продолжая испытывать сильные взаимные чувства, оказались не способны сохранить свой союз. Вот это письмо, написанное по-английски в характерной для личности корреспондентки манере, несколько туманной и выпендренной (*перевод - автора*):

«Марсель, 5 октября 1928 г.

Мой дорогой, спасибо за все, что ты для меня сделал. Если когда-либо твои чувства уловили в моем отношении к тебе некую раздражительность или неприязнь, то будь уверен, что в моем сердце было место только для огромной нежности и огромной боли - боли без обиды, любовь моя. Когда человек так близок к подлинной реальности Жизни (которая, в сущности, есть Смерть), как близка к ней я, он помнит только моменты красоты и нежности, а все остальное оказывается скрытым туманом нереальности. Постарайся помнить меня, как цветок, который ты сорвал, а не растоптал. Любимый, я много страдала, ибо любила много. И степень моего страдания соответствует силе моей любви.

Дорогой, я люблю тебя, очень люблю, и, люби я тебя меньше, я смогла бы остаться с тобой. Но тот, кто вырастил прекрасный цветок, не поливает его грязью. Чем выше ты возносишь свой идеал, тем ниже ему падать.

Я любила тебя так, как мало кому из людей выпадает быть любимым. И я уверяю тебя, что трагедия, возникающая вместе с любовью, должна и закончиться вместе с ней.

Доброй ночи и прощай, любимый»²⁰.

Нет нужды комментировать это письмо, которое написала индийская Джульетта своему стареющему Ромео. В любом случае это яркий человеческий документ, и остается только надеяться, что Джинна в свое время оценил его по достоинству. Возможно, сознание того, что молодая прекрасная женщина испытывала к нему такое всепоглощающее чувство, поддерживало Джинну в годы испытаний и разочарований, во время его борьбы за Пакистан.

В 1998 г. в Англии и Пакистане вышел в прокат художественный фильм «Джинна», сценарий которого написал крупный ученый и бывший посол Пакистана в Великобритании Акбар Ахмад. Роль Джинны исполнил британский актер Кристофер Ли, известный по ролям злодеев в фильмах ужасов, в том числе, в одной из киноверсий «Дракулы». Ратти сыграла британская актриса индийского про-

исхождения Индира Варма, снискавшая популярность театральными работами в шекспировских пьесах. В Пакистане фильм вызвал бурную полемику и ожесточенную критику экранного образа Джинны как «умозрительного и картонного»²¹. Поколения пакистанцев, родившихся после 1947 г., не устраивает официальная идеализация образа Джинны, в котором они хотели бы видеть не только безупречного борца за идею и политического лидера, но и живого человека со всеми его достоинствами и слабостями. Отчасти чтобы восполнить представления широкой публики о личности Джинны, и был предпринят кинематографический проект Акбара Ахмада. Но и здесь личная жизнь Великого Лидера осталась на дальнем плане - создатели фильма не захотели или не сумели разглядеть в биографии Джинны захватывающий сюжет, который смог бы тронуть зрителя.

¹ Наиболее известные и многократно переиздававшиеся работы: *Wolpert Stanley*. Jinnah of Pakistan. Karachi: OUP, 2008; *Bolitho Hector*. Jinnah: Creator of Pakistan. Karachi: OUP, 2009; *Ahmad J.* Quaid-i-Azam as Seen by His Contemporaries. Lahore: Publishers United Ltd., 1960; *Fatima Jinnah*. My Brother. Karachi: Quaid-i-Azam Academy, 1987. Кроме перевода книги Стенли Уолперта («Джинна - творец Пакистана». М., Издательство «Рудомино», 1997), на русском языке монографических изданий о Джинне пока нет.

² *Fatima Jinnah*. My Brother..., p. 58.

³ Парсы - этноконфессиональная группа последователей зороастризма в Южной Азии (Индии и Пакистане), имеющая иранское происхождение. Традиционная область расселения - индийский Гуджарат, сегодня большая часть парсов проживает в Мумбаи. Языком парсов является гуджарати.

⁴ Сварадж (санскр., буквально - «свое правление») - программный политический лозунг национально-освободительного движения в Индии, призывал к борьбе против английского господства, за самоуправление.

⁵ *Haider Khwaja Razi*. Ruttie Jinnah. The Story, Told and Untold. Karachi: OUP, 2010, p. 41.

⁶ *Chagla M.C.* Roses in December. An Autobiography. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1974, p. 119.

⁷ *Wolpert Stanley*. Op. cit., p. 98.

⁸ *Bolitho Hector*. Op. cit., p. 75.

⁹ *Chaman Lal*. "Quaid-i-Azam as I Knew Him" in *Ahmad J.* Quaid-i-Azam as Seen by His Contemporaries, p. 167.

¹⁰ *Chagla M.C.* Op. cit., p. 120.

¹¹ *Ibid.*, p. 118-119.

¹² *Dwarkadas Kanji*. Ruttie Jinnah. The Story of a Great Friendship. Bombay: Kanji Dwarkadas, 1963, p. 104.

¹³ *Ibid.*, p. 43.

¹⁴ *Ibid.*, p. 31.

¹⁵ *Ibid.*, p. 41.

¹⁶ *Haider Khwaja Razi*. Op. cit., p. 189.

¹⁷ *Chagla M.C.* Op. cit., p. 121.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Chaman Lal*. Op. cit., p. 170.

²⁰ A Look at the Personal Life of Jinnah: Ruttie Jinnah's last letter to her husband - <http://pakistaniat.com/2007/09/10/a-look-at-the-personal-life-of-jinnah-ruttie-jinnahs-last-letter-to-her-husband/>

²¹ http://www.iofilm.co.uk/fm/j/jinnah_1998.shtml